

Пригородная интифада или бунт деклассированной молодежи?

Оливье Руа

Американская пресса и некоторые европейские комментаторы описывали беспорядки, которые прокатились по парижским пригородам так, как будто речь идет о бунте мусульманских эмигрантов. Эти беспорядки, по их мнению, являются показателем неудачи французской модели интеграции.

Но следует рассмотреть поближе, что произошло. Далекая от бунта мусульманского сообщества, речь идет о спонтанном движении молодежи, которая живет в неблагоприятных районах, часто дети иммигрантов, но не всегда. Поколенческое и социальное измерение играет большую роль, чем религиозная составляющая, она даже важнее составляющей этнической.

Прежде всего речь идет о движении молодежи, особенно юношей. Половине задержанных меньше 18 лет. Взрослые не отреагировали. Беспорядки вовлекли группировки их тридцати-двухсот молодых людей в зависимости от мест : ни в одном из случаев на улице не выходило население всего квартала.

Затем, молодежь обрушилась на машины квартала, то есть на те, которые принадлежали их соседям. Они разрушили школы, куда люди из их квартала, часто выходцы из среды иммигрантов, отдают своих детей. Словом, первыми жертвами стали семьи из их квартала.

Во-вторых, и это главное, беспорядки ограничились тем, что называется, «трудные районы»: то есть те, где имеется сильная концентрация выходцев из среды иммиграции с высоким уровнем безработицы и школьной неуспеваемости. То есть речь идет не о парижских пригородах в целом, и еще менее о городе Париже, но о сотне микрорайонов по всей Франции. Однако в большинстве своем эти молодые люди второго поколения являются гражданами Франции: среди задержанных в результате беспорядков 6 à 7 % не имеют французского подданства. Аналогичным образом среди задержанных отмечается большее этническое разнообразие, чем это можно предположить исходя из комментариев (там встречаются африканцы-немусульмане, но также молодые люди с

французскими итальянскими или португальскими фамилиями). Это бунт парий, а не арабов или мусульман, даже если последние в избытке представлены среди парий.

Вне этих кварталов ни один выходец из мусульманской среды не сдвинулся с места. А ведь много мусульман живет вне этих кварталов. Но они принадлежат скорее к представителям среднего класса. Очень интересно, что ничего не произошло в университетах, где мы видим десятки тысяч студентов мусульманского происхождения, часто достаточно политизированных. Они не сдвинулись с места.

Кроме того, движение в пригородах не носит политического характера. За исключением нескольких лозунгов, требующих отставки Николя Саркози, никаких политических требований не было (это, кстати, причина, по которой движение было обречено на спад). Не было также никакой координации, представителя, организации.

Не был даже организован координационный комитет, как это было сделано в случае спонтанных демонстраций крестьян или школьников недавно во Франции.

Наконец, в этих волнениях нет ничего арабского или исламского. Любопытно, например, что мы не обнаруживаем ни палестинских, ни алжирских флагов, тогда как ношение клетчатого платка а ля Арафат в 80-е годы было знаком протеста, который часто использовался молодежью во время демонстраций. Вспомним также, что во время знаменитого футбольного матча Франция-Алжир 6 октября 2001 года, когда молодые франко-арабы освистали французский гимн, алжирских флагов было много. В волнениях 2005 года мы не находим никакой отсылки к ближневосточным конфликтам или у арабскому национализму. Нет ни лозунгов, ни инвектив против «евреев» (тогда как пресса регулярно разоблачает все, что может выглядеть как антисемитские проявления у молодежи из пригородов). Нет также никаких религиозных лозунгов. В манере одеваться участников демонстраций нет ничего исламского: они одеты в стиле *street-wear*, который является признаком западной городской субкультуры: культуры американских *черных* (особенно серая трикотажная куртка с капюшоном). Они слушают рэп и хип-хоп, едят в *фаст-фудах*, мечтают о потреблении, хотят иметь красивые машины и при случае потребляют наркотики. Они вполне «западные» (или «глобалисты»).

Их требования, если они их выражают, не касаются ни права на ношение чадры в школе, ни мечетей, на мяса *hallal*. Зато они протестуют против расистских дискриминаций, основанной на внешних физических признаках (le « faciès »). Они очень живо ощущают расизм, реальный или предполагаемый, со стороны полиции, но также и дискриминацию при входе в ночные клубы, - что никак не связано с исламом.

Это молодые люди, которые часто живут в мусульманской среде, но они не позиционируют себя как мусульмане. Они защищают не этническую общность, ни общность религиозную, но общность микрорайона. Говорят « ребята из 4 000 » (по имени квартала в пригороде Курнев) или молодежь из Валь-Фурре (в пригороде Мант-ля-Жоли). Они объединяются в местные группировки, которые противопоставляют себя не только полиции, но главное – группировкам из соседних кварталов. К тому же складывается впечатление, что эти группировки – главные действующие силы беспорядков, даже если сведения, собранные в следственных органах показывают, что на самом деле у многих из арестованных не было предшествующих столкновений с правосудием. Они часто вовлечены в мелкую спекуляцию (например, наркотиков) и правонарушения. Настоящие « caïds » квартала это торговцы наркотиками. Многие из этих молодых людей исключены из школы за неуспеваемость и не имеют работы, поэтому жизнь складывается из смеси социальных пособий и мелкого *бизнеса*. Они ощущают себя париями и очень привязаны к своему кварталу : группировки защищают свою территорию от внешних нашествий, будь то полиция, журналисты или группировки из других микрорайонов, но также от пожарных. Этнической или религиозной солидарности в масштабах страны нет, есть только солидарность квартала.

На самом деле беспорядки берут начало прежде всего в социальном подклассе, то есть от людей, уже не занятых в системе производства. Их родители были рабочими : они были бедны, но имели социальную и экономическую пользу. Эти молодые люди не имеют более этой вовлеченности через труд, и они считают своих отцов-рабочих «*лузерами*», потому что они гробили себя на работе за нищенскую зарплату, тогда как сегодня некоторые из этих молодых людей содержат родителей на деньги, которые приносит им мелкая спекуляция.

Но когда смотришь на феномен городских бунтов на западе (от Лос-Анжелеса до департамента Сена-Сен-Дени через Брэдфорд), видно, что у них есть общие характеристики: изгойство, отмеченное одновременно социальным статусом и этническим критерием, на деле связанным с цветом кожи (черные, латиносы, арабы). Настоящее изгойство обусловлено комбинацией двух критериев, потому что представители среднего класса арабского происхождения не испытывают этих проблем в Европе. Социальные и этические критерии разобщить невозможно.

Моделью является Америка молодых афроамериканцев, а не Каир или Мекка

Пресса также упоминала про роль исламистов. Но исламские организации не были задействованы в беспорядках. Во-первых радикалы, типа Аль-Каеды не интересуются пригородным джихадом : зачем тратить время на поджог автомобилей в кварталах, которые никого не интересуют, в то время как можно устроить джихад в Фаллудже или подложить бомбы в метро в центре Парижа? Зато радикалы могут надеяться на то, что смогут провести вербовку среди молодежи, разочарованной отсутствием перспективы движения или же радикализовавшейся в результате репрессий (известно, что для многих молодых выходцев из второго поколения иммигрантов тюрьмы являются местом религиозной и политической радикализации). Что касается умеренных организаций (таких, как UOIF), они резко осудили применение насилия и выступают в качестве посредников и примирителей. Эти организации стремятся приобрести легитимность в глазах властей и общественном мнении Франции, представляя себя в качестве умеренных посредников, отстаивающих концепт «мусульманина и гражданина». Однако другие мусульманские среды (как Тарик Рамадан) оспаривают это вмешательство религиозных инстанций в нынешний кризис, потому что они отрицают всякую связь между исламом и пригородами. Но помимо организаций многие умеренные мусульмане и которые не обязательно живут в этих кварталах, были шокированы тем, что правительство не принесло извинений после того, как граната со слезоточивым газом попала в мечеть. Кризис подтвердил, что отношение к исламу все еще отличается от отношения к другим религиям в Франции. И в этом видимо ключ к решению проблемы: тогда как проблемы трудных кварталов – это прежде всего проблемы социальные, происходит смешение понятий мусульмане и жители пригородов.

Споры об исламе во Франции очень оживленные и мы знаем, что он привел к запрету в 2004 г.на ношение пинджаба в школе. Но все речи политиков и прессы способствуют «исламизации» проблем пригородов, то есть сделать ислам кодом для интерпретации любого события. Движение « Ни шлюха, ни рабыня », атакует мачистское поведение молодых людей из пригородов, но подразумевает, что если группировки молодых людей преследуют девушек, которые выходят одни или без пинджаба, то причина этого в исламе. Тогда как при этом забывают, что все гетто похожи друг на друга, какую бы религию не исповедовали их обитатели : в Соединенных Штатах в гетто, населенных неграми или латиноамериканцами мы обнаруживаем точно те же феномены группировок молодых парней, которые контролируют улицу, живут

спекуляцией и отличаются особым machismo. Вирильность является достоинством всюду, где доминирует сила, и это не имеет никакого отношения к религии.

На самом деле эти кварталы не выражение исламской культуры, которая таким образом требует признания. Арабский язык уступил место французскому, традиционные семьи распались, авторитет отца рухнул. Сегодня мы видим много семей североафриканского магрибского происхождения с одним из родителей. Часто в дом приносят деньги молодые люди (часто это заработок за более или менее легальный бизнес). Сложившаяся иерархия – это иерархия силы и денег, а не иерархия возраста и мудрости. В этих кварталах нет общинных лидеров. У имамов нет никакой власти за пределами их маленьких мечетей. Многокультурность следовательно не является главным аргументом, просто потому, что эти кварталы не выражают арабомусульманскую культуру, но западную городскую субкультуру, ту, которую называют культурой молодых или уличной культурой. Модель – это Америка молодых черных, но не Каир или Мекка. Интересно отметить, что в дублировании голливудских фильмов на французский язык американским неграм придают акцент пригородной молодежи.

Кстати, молодые бунтари не требуют, чтобы их признали в качестве меньшинства с его правами и спецификой. Они поверили во французскую модель интеграции через гражданство. Они хотели быть настоящими французами, но они считают себя как бы обманутыми, потому что сегодня они французы только на бумаге. Они по сути протестуют против провала интеграции по-французски, но у них нет других моделей. Именно поэтому они жгут инструменты собственного неудавшегося продвижения: школы, социальные центры. Их ярость обращается против них самих. Конечно, это не интифада.

Пригороды – это одно, вопрос об исламе во Франции – другое. Но носителями положительных моделей интеграции являются средние классы. И каковы бы ни были их трудности, сегодня действительно существует средний класс мусульман, граждан Франции, ставших членами экономической и социальной ткани. Эти люди покинули свои кварталы, где часто они родились, они покупают индивидуальные дома, открывают магазины в центре города, создают компьютерные фирмы, работают врачами в больницах и т.д. Но им не уделяется никакого внимания, не только со стороны средств массовой информации, но главным образом со стороны политических деятелей: французские политические партии не могут открыться для них. А ведь это именно тот средний класс, который движет все.

Оливье Руа

Revue des revues de l'adpf, sélection de mai 2006

Olivier ROY: « Intifada des banlieues ou émeutes des jeunes déclassés ? »
article publié initialement dans la revue *Esprit*, n°12, décembre 2005.

Traducteurs :

Anglais : Imogen Forster
Arabe : Anouar Moghith
Chinois : Yan Suwei
Espagnol : Mònica Mansour
Russe : Alla Beliak

Droits :

© Olivier Roy pour la version française
© Imogen Forster/Institut Français du Royaume Uni pour la version anglaise
© Anouar Moghith/Centre Français de Culture et de Coopération du Caire – Département de Traduction et d'Interprétation pour la version arabe
© Yan Suwei/Centre Culturel Français de Pékin pour la version chinoise
© Mònica Mansour/Institut Français d'Amérique Latine pour la version espagnole
© Alla Beliak/Centre Culturel Français de Moscou pour la version russe